

М. А. Клинова, А. В. Трофимов
**МОДЕЛИ ТРУДОВОЙ МОБИЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «СМЕНА» 1946–1953 гг.)**

doi: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-55-62

УДК 94(470)“1946/1953”:82.091

ББК 63.3(2)631+83.000.3

Статья посвящена изучению содержания, специфики и форм пропагандистской риторики советского медийного дискурса, направленной на трудовую мобилизацию молодежи в послевоенный период. На основе анализа текстов журнала «Смена» 1946–1953 гг., посвященных трудовой деятельности граждан РСФСР, были выявлены информационные единицы, использование которых преследовало цель имплицитной трудовой мобилизации — создания позитивного образа нормативно «правильной» для советских граждан модели трудовой деятельности. Были выделены составляющие реконструируемой трудовой стратегии: трудовая мотивация; практические формы и проявления одобряемых трудовых практик; результат и вознаграждение трудовой деятельности. По результатам контент-анализа текстов была выявлена неравноценная количественная востребованность лексических форм — составляющих сектора «правильной» трудовой стратегии советского человека, что позволило обозначить две модели имплицитной мобилизационной пропагандистской риторики, актуализированные в рамках периода 1946–1953 гг. Первая модель «труда-подвига», востребованная на страницах издания во второй половине 1940-х гг., характеризуется выраженной милитаризированной лексикой, определением трудовых практик посредством категорий экстремума и количественно низким уровнем обращения к тематике трудового вознаграждения. Вторая модель «труда-вознаграждения», актуализированная в 1950-е гг., отходит от экстремальных императивов и милитаризированной лексики, отличается более выраженным акцентом на личные позитивные результаты, получаемые трудящимися в процессе и по завершении трудовой деятельности.

Ключевые слова: *пропаганда, трудовая мобилизация, молодежь, СМИ, социальная политика, 1946–1953 гг.*

Одной из объяснительных моделей послевоенной советской истории является концепт «мобилизационная система», в рамках которого социальные процессы рассматриваются в контексте изучения механизмов мобилизации масс на решение чрезвычайных политических, социальных, экономических, военных и других задач. В историографии выявлены основные принципы и особенности мобилизационной системы, ее взаимосвязь с модернизационными процессами.¹

¹ См.: Седов В. В. Мобилизационная экономика: советская модель. Челябинск, 2003; Побережников И. В. Мобилизационные механизмы в контексте модернизации (теоретические аспекты) // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Челябинск, 2009. С. 95–100; Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке: монография / Гончаров Г. А. [и др.]. Челябинск, 2013; Фонотов А. Г. Россия: инновации и развитие. М., 2010 и др.

Клинова Марина Александровна — к.и.н., доцент кафедры истории и философии, Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)
E-mail: klinowa.m@yandex.ru

Трофимов Андрей Владимирович — д.и.н., профессор кафедры истории и философии, Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)
E-mail: 2519612@rambler.ru

Ярким примером функционирования мобилизационной экономики явился послевоенный период. В условиях колоссальных потерь для решения задач восстановления страны требовалась мобилизация всех внутренних ресурсов. Среди механизмов мобилизации особый интерес представляют медийные инструменты, способствующие духовному и трудовому подъему населения. Одним из средств информационного воздействия на молодежь как на важнейший сегмент социально-экономической политики государства были специализированные печатные издания.

На основе анализа текстов журнала «Смена» 1946–1953 гг., посвященных трудовой деятельности граждан РСФСР, мы реконструируем специфику лексических конструкций, медийных инструментов, направленных на трудовую мобилизацию населения; выявим динамику изменения мобилизационной пропагандистской риторики в послевоенный период.

Источниковую основу исследования составили материалы журнала «Смена» 1946–1953 гг. Выбор издания обусловлен его направленностью на молодежную аудиторию, жанровым и стилистическим разнообразием

Таблица

КОЛИЧЕСТВЕННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ФОРМ В СЮЖЕТАХ «СМЕНЫ» 1946–1953 гг.,
ПОСВЯЩЕННЫХ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАН РСФСР
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА)

Год	Мотивация труда				Трудовые практики					Вознаграждение труда		
	Долг	Для Родины	Для народа	Для коммунизма	Перевыполнение норм	Социалистическое соревнование	Производительность труда	Труд как борьба	Труд как подвиг	Заработная плата	Награды, премии	Счастье, радость
1946		5	2		21	7	3	7	2		4	2
1947	4	7			37	10	6	5	4		7	6
1948		12	1		28	9	2	12	7	2	9	7
1949		5	1	1	17	6	3	11	2	1	4	6
1950	1	6			14	6	8	8	4	2	18	7
1951	1	8		1	20	15	9	4	4	1	13	25
1952	2	8	5	2	15	5	5	4	4	3	15	16
1953	1	5	1	5	18	5	6	2	2	2	7	11
Итого	9	56	10	9	170	63	42	53	29	11	77	80

материалов, а также растущей популярностью журнала (в 1946 г. тираж «Смены» составлял 33 300 экз., в 1949 г. — 73 000, в 1953 г. — 120 000 экз.).

Для реализации целей исследования использовались количественные и качественные методы. Приоритетным количественным методом являлся контент-анализ, позволивший выявить частотность употребления форм мобилизационной риторики. Качественный анализ материалов позволил учесть содержательный контекст употребления категорий мобилизационной риторики в сюжетах, посвященных трудовой деятельности граждан. Для обработки текстов была использована частотная выборка (каждый четвертый выпуск издания (№№ 1, 5, 9, 13 и т. д.)). Общее количество составило сорок восемь выпусков «Смены» за период 1946–1953 гг.

В журнале публиковались тексты различных жанровых форм (заметки, интервью, очерки, рассказы), рассматривались вопросы различной тематики (культура, внешняя политика, экономика, труд). Доля «трудовых» сюжетов в одном номере «Смены» варьировалась от 30 до 45 %. Фиксируемая в журнале риторика трудовой мобилизации носила скорее

имплицитный характер, реализуясь посредством создания образа «правильной» трудовой деятельности. Для реконструкции модели такой деятельности, презентуемой на страницах «Смены» в 1946–1953 гг., нами были выделены отдельные тематические сегменты: трудовая мотивация; практические формы и проявления одобряемых трудовых практик; результат и вознаграждение труда.

Формированию «правильной» трудовой мотивации молодежи уделялось значительное внимание на страницах издания в 1946–1953 гг. Предпринятый анализ материалов «Смены» позволил выделить лексические формы и категории, обладающие положительными коннотациями и отличающиеся высокой частотой употребления в рамках «трудовых» сюжетов (табл. 1).

Относительно высокой востребованностью характеризуется категория долг. Трудовая деятельность презентовалась как долг отдельных групп советского социума (рабочих, колхозников, шахтеров, ученых и пр.) и каждого трудящегося. Использование понятия долг сопровождалось эпитетами, фиксирующими практику «долженствования» в сакральном ключе («священный долг»), либо в торжест-

венной тональности («почетный долг»), например: «Юноши и девушки страны социализма... овладевают знаниями, трудятся, не зная долга более высокого и почетного, чем долг беззаветного служения Родине».²

В качестве цели и мотивации трудовой деятельности граждан выступали идеологемы, которые условно можно объединить в группу *труд на благо Родины*. Единицами контент-анализа стали лексические формы, в которых отражалась направленность труда на *благо* (*процветание, усиление мощи, богатства и т. п.*) *Родины (государства, страны, отечества, отчизны)*, например: «Трудиться на благо своей страны ... значит каждый день, каждый час умножать ее силу и мощь, непрерывно двигать вперед ее экономику, культуру, науку»;³ «Мы, колхозная молодежь, заняты созидательным трудом во имя любимой Родины».⁴

Построение коммунизма также демонстрировалось в текстах журнала в качестве «положительной» мотивации труда молодежи («Будьте целеустремленными, чтобы у вас в жизни была основная цель... построение светлого будущего — коммунизма»⁵). В качестве еще одной мотивационной составляющей труда фигурировала его направленность на *благополучие народа* («Молодой крестьянин! ... для всего народа он растит хлеб на полях»;⁶ «Труд на благо народа возвеличивает в нашей стране человека»⁷). Контент-анализ показал, что по количеству употреблений на страницах «Смены» в 1946–1953 гг. лексические формы *труд для построения коммунизма* (9) и *труд для народа* (10) значительно уступали мотивационной форме *труд на благо Родины* (56).

Направленность труда граждан на получение личных доходов и улучшение своего благосостояния не фигурировала на страницах журнала в качестве одобряемой трудовой мотивации. Отрицательное отношение к материальной мотивации труда подчеркивается в очерке Т. Чистяковой «Любимое дело»: «... для комсомолки... работа на фабрике не случайный эпизод, не просто источник заработка».⁸ Понимание труда как источника денежных средств трактовалось как нравственная де-

формация, мещанство. В одном из рассказов, опубликованных в журнале, стигматизация меркантильной трудовой стратегии реализуется посредством критики жизненной позиции одной из героинь: «... надо выйти замуж, стать хорошей хозяйкой — вот что подсознательно усвоила девочка в своей домашней и, видимо, мещанской среде. Там, дома, тоже говорили о профессии: без профессии нет теперь человека, — но там весь разговор сводился к одному: какая профессия выгоднее?»⁹

В рамках конструируемой на страницах «Смены» в 1946–1953 гг. эталонной трудовой стратегии населения популяризировались практические формы и методы «правильного» труда. Лексические формы, посредством которых демонстрировались одобряемые и «должные» трудовые практики граждан, не были идентичны по своей природе. Часть категорий являлась проекцией политического дискурса. Они были широко представлены в докладах политических лидеров и текстах правительственных постановлений, направленных на трудовую мобилизацию населения. Другая часть лексических форм являлась проявлением советского соцреалистического канона, в русле которого проблематика труда романтизировалась и героизировалась.

Репрезентация эталонных форм труда на страницах «Смены» происходила с использованием таких информационных единиц, как *выполнение (перевыполнение) норм, производительность труда, социалистическое соревнование*.

Выполнение гражданами трудовых норм и обязательств являлось приоритетной характеристикой «правильного» труда и главной задачей, которую должен был решать советский человек в процессе трудовой деятельности. Контент-анализ материалов «Смены» показал, что употребление лексических форм, иллюстрирующих практики *перевыполнения норм (досрочное выполнение, сверх плана, перевыполнение плана и т. п.)*, характеризуется высокими количественными показателями (170). В качестве примеров употребления данных идеологем можно привести следующие цитаты: «Жадно, упорно, неутомимо овладевает молодежь тайнами профессионального мастерства. Результат этого — постоянное перевыполнение норм вдвое, втрое, вдесятеро!...»;¹⁰

² Праздник весны // Смена. 1952. № 9. С. 2, 3.

³ Моисеева К. Творчество // Смена. 1949. № 1. С. 2.

⁴ Наш труд — это борьба за мир // Смена. 1950. № 9. С. 6.

⁵ Лепешинская О. Б. В добрый путь // Смена. 1952. № 17. С. 2.

⁶ Одинцов А. Молодой крестьянин // Смена. 1948. № 5. С. 2.

⁷ Праздник весны. С. 2.

⁸ Чистякова Т. Любимое дело // Смена. 1951. № 1. С. 11.

⁹ Александрова Н. Классный наставник // Смена. 1949. № 5. С. 11.

¹⁰ Москвичи // Смена. 1948. № 1. С. 8.

«260 тысяч юношей и девушек Москвы и Московской области досрочно выполнили годовые нормы, а 380 человек из них — даже по пять годовых заданий»;¹¹ «Геннадю 19 лет. Норму выполняет на 160–180 %, а то и больше».¹²

Еще одной характеристикой одобряемых трудовых стратегий населения являлась *производительность труда*. Данная идеологема также отличалась высоким уровнем востребованности на страницах «Смены» в 1946–1953 гг. (42). В журнале приводится много примеров повышения производительности труда, что было достигнуто отдельными трудящимися и трудовыми коллективами. Так, «На отдельных операциях производительность труда молодежной бригады Льва Батурина увеличилась в 279 раз».¹³ В издании освещаются конкретные рационализаторские предложения, позволившие повысить производительность труда («Тщательно присмотревшись к своим станкам, Катя убедилась, что они “недорабатывают”, и ускорила подачу в 3 раза. Это сразу увеличило выработку примерно в 3 раза»¹⁴). В «Смене» приводятся примеры организации труда, позволяющей достичь высоких производственных показателей: «...Полина Фомина. В ее коллективе около 100 рабочих. Они обслуживают 85 машин. ... Полина выработала строгий распорядок дня. Она приходит на работу задолго до начала смены, обойдет весь участок, внимательно осмотрит оборудование, потом наметит, что необходимо сделать сегодня, как расставить людей. И все уже привыкли к тому, что бригада Полины Фоминой ежедневно выдает продукции больше, чем предусмотрено планом».¹⁵

Методом повышения производительности труда во всех отраслях народного хозяйства являлось *социалистическое соревнование*. Контент-анализ текстов «Смены» позволил зафиксировать значительную востребованность данной идеологемы в рамках периода 1946–1953 гг. (63). В журнале популяризировались различные формы социалистического соревнования (между отдельными трудящимися, бригадами, колхозами, заводами и регионами страны). Как правило, пропагандистские кампании, привлекающие внимание к различным формам социалистического соревнования, приурочивались к праздникам или важным поли-

тическим событиям. Так, «в дни подготовки к выборам в Верховный Совет СССР коллектив рабочих и служащих “Калибра” еще выше поднял знамя социалистического соревнования. В эти дни почти все участки завода работали так хорошо, как никогда еще не работали».¹⁶

Проявлением имплицитной трудовой мобилизации являлась популяризация практик интенсификации труда. Состязательность и высокие темпы труда презентовались на страницах издания как атрибутивные составляющие трудовых стратегий советского населения. Сокращение времени, необходимого для выполнения трудовой операции, являлось не менее важной задачей, чем фактический результат труда. На страницах «Смены» приводятся примеры трудового «ускорения», связанного с усовершенствованием технологии производства. Например, сообщалось «Сталевар-комсомолец... Матвей Шкитин ведет скоростную плавку. <...> По графику на плавку дано четыре часа сорок пять минут. Но полагающиеся на завалку шихты полтора часа можно сократить до часа. <...> Все... заранее подготовлено, уложено, каждое движение рассчитано по минутам. <...> На 55 минут раньше графика! <...> План перевыполнен!»¹⁷ Практики ускорения труда фиксировались и в достаточно консервативных сферах, где минимальное повышение скорости было объективно труднодостижимо. Так, в одном из выпусков «Смены» помещен сюжет «Лесные скорости», повествующий о лесоводе М. В. Колесниченко, который направил свой трудовой энтузиазм на решение непростой задачи — ускорение роста дубов.¹⁸

О рекордах в сфере ускорения производства на страницах издания сообщалось в эпическом ключе: их трактовали как «власть над временем», достижимую лишь в социалистическом социуме. В январском выпуске «Смены» 1949 г. читаем: «Выигранные секунды и минуты рядовых рабочих складываются в сбереженные года. <...> Усилиями молодой армии бойцов за коммунизм... молодежь сотни и тысячи предприятий уже вступила в 1950 год. Время, вперед! Время подчинено нам!»¹⁹

В мобилизационной риторике послевоенного периода были актуализированы не только категории, определяющие экономические

¹¹ Там же.

¹² Софронов Л. Беспокойные сердца // Смена. 1952. № 1. С. 6.

¹³ Морозов А. Проценты великого плана // Смена. 1946. № 11/12. С. 4.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Чистякова Т. Указ. соч. С. 10.

¹⁶ Российский Н. Черты нового...// Смена. 1950. № 5. С. 10.

¹⁷ Повойский Л. Матвей Шкитин // Смена. 1950. № 21. С. 1.

¹⁸ Кожухова О. Лесные скорости // Смена. 1951. № 13. С. 5.

¹⁹ Иорданский В., Рябчиков Е., Орлов Н. На встречу XI съезду ВЛКСМ // Смена. 1949. № 1. С. 9.

результаты и формы организации трудовой деятельности граждан (*перевыполнение норм, социалистическое соревнование*), но и понятия, раскрывающие «правильное» отношение человека к труду, определяющие меру физических и моральных усилий, которые должны быть направлены на активизацию трудовой деятельности.

В отечественном информационном континууме послевоенного периода инерционно сохраняется тенденция, актуализированная в дискурсе военных лет, в русле которой реалии советской повседневности определялись через категории экстремума. Практики *борьбы, подвига и преодоления*, проецируемые на всю советскую социальную событийность, реализуются и в «трудовых» сюжетах «Смены», отличаясь высокой востребованностью (53). В качестве примеров употребления термина «борьба» можно привести следующие цитаты: «Борьба за урожай захватила молодежь артели»;²⁰ «Борьба за Днепрогэс продолжается...»;²¹ «Наш труд — это борьба за... будущее наших детей, за мир для всего человечества!»²² Использование данного понятия усиливало восприятие интенсивности и экстремальности трудовой деятельности граждан вне зависимости от ее фактического содержания. Трудовая борьба разворачивалась на полях, на заводах, в кабинетах и на строительных площадках. Фактически *борьба* являлась нормализованным термином, определяющим любые формы трудовой деятельности советского человека. В ряде случаев это слово заменялось еще более экспрессивными лексическими формами: «Колхоз будет драться за 15 центнеров хлеба с гектара на всем массиве».²³

Если термин *борьба* характеризовал трудовые стремления и процесс труда, то результаты трудовой деятельности населения определялись понятиями *подвиг, героизм*, отличающимися достаточно высоким уровнем востребованности на страницах «Смены» (29). Обращение к данным понятиям в контексте сюжетов трудовой тематики также свидетельствует о сохранении военной риторики в послевоенном дискурсе. В журнале приводятся многочисленные эпизоды героических трудовых подвигов, например: «Навсегда запомнятся имена тех героев — восстановите-

лей Днепрогэса, — которые, презирая трудности, строили защитную дамбу из обломков бетона».²⁴ Как подвиг определялись не только единичные трудовые успехи стахановцев и передовиков, презентуемые в качестве трудовых эталонов, понятия подвиг и героизм проецировались на результаты деятельности всех трудящихся: «Достаточно ознакомиться с историей одной человеческой жизни, с биографией любого советского человека, чтобы в малом почувствовать великое, в творческом труде рядового строителя увидеть то же, что... волнует нас в героическом подвиге миллионов»;²⁵ «Самое замечательное в трудовых подвигах советских людей состоит в том, что производственный успех не является у нас уделом одиночек, а становится массовым явлением».²⁶

Трудовой героизм советских граждан сакрализировался и мифологизировался. В очерке Н. Погодина «Мы» значимость трудового подвига подчеркивает экспрессивно-эмоциональная лексика и высокая стилистика изложения текста: «Существует тайна подвига. Есть в нашем человеке потрясающая сила вдохновения, пламенный порыв, безмерное упорство. Это сокровенно, как любовь. Любовь не объясняют. Но подвиг, как сама любовь, возникает в реальной, даже очень будничной жизни...»²⁷

В текстах «Смены» преемственность военного и послевоенного дискурса также фиксируется в использовании военной лексики и терминологии при описании трудовых практик населения («боевая задача пятилетки», «производственное наступление», «завоеванные позиции», «наступление на урожай» и т. п.). Приведем лишь одну цитату: «Молодежь взялась на своем примере научить других колхозников собирать великолепный урожай. Так в бою командир вырывается вперед, увлекая за собой всю роту, всех солдат».²⁸

Репрезентация трудовой деятельности с использованием военизированной риторики и стилистики, а также через понятия *борьбы* и *подвига* априори предполагала, что процесс трудовой деятельности связан с преодолением трудностей, выходящих за пределы обыденности, а подчас и за границы человеческих возможностей. Физическое и моральное напряжение, вызванное необходимостью преодоления

²⁰ Одинцов А. Указ. соч. С. 2.

²¹ Ток Днепрогэса // Смена. 1947. № 9. С. 1.

²² Наш труд — это борьба за мир. С. 6.

²³ Аграновский А. Объединение // Смена. 1950. № 13. С. 12.

²⁴ Ток Днепрогэса. С. 1.

²⁵ Саянов В. Молодость мира // Смена. 1951. № 9. С. 1.

²⁶ Славный год // Смена. 1947. № 1. С. 1.

²⁷ Погодин Н. Мы // Смена. 1947. № 1. С. 2.

²⁸ Одинцов А. Указ. соч. С. 2.

препятствий и сложностей, являлось атрибутивной характеристикой труда советского человека. Примеры такого волевого усилия в избытке встречаются на страницах издания, иллюстрируя трудовую повседневность людей самых различных профессий. Например, геолога («Путь его труден и утомителен. Он отказывает себе в еде, чтобы не тратить времени на хождение в населенные пункты»²⁹) или колхозницы («Четверка необъезженных... коней... спотыкалась... в глубоких бороздах... и, поспешая за ними, спотыкалась и падала Нина, плакала, подымалась и шла дальше...»³⁰) и т. п. На страницах издания необходимость преодоления трудностей презентовалась в романтической и героизированной тональности, как возможность свершения подвига, который востребован Родиной, оправдан «великой целью», а значит должен быть совершен любой ценой («Пусть трудно... но эти трудности роста таковы, что их преодоление несет приближение великой заветной цели... на нее не пожалеешь не только труда, но и самой жизни!»³¹).

В контексте мобилизационной пропагандистской риторики стимулирование трудовой деятельности населения реализовывалось не только посредством романтизации самоотверженного трудового подвижничества граждан, но и путем обращения к проблематике их трудового вознаграждения, которое могло иметь формы материального и морального поощрения.

В исследуемый период 1946–1953 гг. проблематика заработной платы граждан не получает широкого освещения на страницах «Смены» (11). Приводимая информация о доходах граждан минимальна и, как правило, отражает коллективные успехи, а не результаты деятельности отдельных трудящихся: «рост заработной платы рабочих и служащих на 51 % в среднем»;³² «и все так работают, живут, хорошо зарабатывают»;³³ «ребята... зарабатывают хорошо».³⁴ Фактически доходы выносились за скобки одобряемой трудовой стратегии населения, являясь скорее следствием или «побочным эффектом» труда, а не акцентированным результатом трудовой активности граждан.

Значительно чаще обращение к проблематике трудового вознаграждения реализо-

вывалось посредством освещения практик награждения и премирования граждан за трудовые заслуги (77). Лауреаты и награжденные фигурировали на страницах журнала как интервьюеры, герои заметок, очерков и как авторы статей. Факты присуждения наград и премий освещались в торжественной тональности, с уточнением заслуг награждаемого, например: «Сталинскую премию получил Лев Батулин, настоящий виртуоз-рационализатор, производственная выдумка которого безгранична».³⁵ На страницах «Смены» отражались и позитивные перемены, происшедшие в жизни награжденных, масштабность которых презентовалась в эпическом ключе. Так, одним из очерков читаем: «Высокое отличие — Сталинская премия, полученная за новаторство, — наполнило сердце Марии Рожневой радостью и гордостью. <...> Все шире развевалась перед ней жизнь. Вот она в составе советской делегации отправляется в Будапешт на Второй Всемирный конгресс демократической молодежи, потом едет в Китай».³⁶ Популяризация практик государственного премирования была направлена на трудовую мобилизацию населения посредством формирования в сознании граждан убеждения, что непременно условием улучшения личного благосостояния и качества жизни является интенсификация трудовой деятельности и выполнение поставленных государством производственных задач.

В качестве своеобразного трудового вознаграждения на страницах журнала были широко представлены и личные позитивные эмоции трудящихся — *радость, веселье и счастье* (80). В рамках конструируемой модели «правильного» труда трудовая активность должна была продуцировать *радость*, компенсирующую напряжение самоотверженного трудового подвижничества, и являться источником счастья советского человека. На страницах «Смены» о радости и счастье труда, как правило, повествуют сами трудящиеся в своих интервью, а также устами героев рассказов и очерков, например: «По словам Хохоленко, чем больше он сделает, тем веселее у него на душе»;³⁷ «Люблю физическую работу, колхозный труд... веселее его нет на свете»;³⁸ «Я счастлива, что... взялась за настоящее дело, где я скоро при-

²⁹ Моисеева К. Тайна рождения руды // Смена. 1949. № 1. С. 3.

³⁰ Белявский П. Хлеб // Смена. 1947. № 5. С. 4.

³¹ Весна // Смена. 1948. № 9. С. 2.

³² Там же.

³³ В счет 1951 года // Смена. 1949. № 21. С. 2.

³⁴ Одинцов А. Перемены // Смена. 1950. № 1. С. 4.

³⁵ Морозов А. Указ. соч. С. 4.

³⁶ Слезкина О. Избранница народа // Смена. 1951. № 5. С. 9.

³⁷ Величко А. Человек на лесах // Смена. 1946. № 3–4 С. 6.

³⁸ Белявский П. Указ. соч. С. 4.

обрету огромный опыт».³⁹ Коннотации труда *веселья, радости и счастья* не противопоставлялись интенсивности трудового напряжения, а скорее добавляли яркости эталонной трудовой стратегии населения, конструируемой в информационном дискурсе послевоенного периода.

Качественный и количественный анализ текстов журнала «Смена» 1946–1953 гг., посвященных тематике трудовой деятельности населения РСФСР, приводит к выводу о том, что трудовая мобилизация населения реализовывалась посредством конструирования «должной» трудовой мотивации, «правильных» практик труда и трудового вознаграждения. Неравномерная количественная востребованность лексических форм, составляющих выделенные сектора «правильной» трудовой стратегии советского человека, позволяет обозначить две модели имплицитной мобилизационной риторики, актуализированные в 1946–1953 гг.

Первая из них, которую можно условно обозначить как модель «труда-подвига», характеризуется выраженной милитаризированной лексикой, определением мотивации трудовой деятельности посредством категории *долг*, который должен быть выполнен *на благо Родины* (синонимично военному призыву «За Родину!»). Трудовые практики населения определяются категориями экстремума (*борьба, подвиг*), предполагающими высокий градус физического и морального напряжения в процессе труда. При этом тематика трудового вознаграждения практически не нашла отражения. Лексические формы данной модели характеризуются более интенсивной востребованностью на страницах издания в конце 1940-х гг.

Начало 1950-х гг. ознаменовано «включением» второй модели мобилизационной риторики — модели «труда-вознаграждения», что было связано с корректировкой социально-экономической политики и с повышением роли материальной заинтересованности в мотивации труда. В рамках этой модели в качестве трудовой мотивации увеличивается частота употребления форм *на благо народа, для строительства коммунизма*, которые, не призывая к труду в сжатые сроки, скорее обозначали объектность и перспективы трудовой деятельности граждан. Снижается интенсивность обращения к понятиям *борьба и подвиг*

в контексте «трудовых» сюжетов. Растет количество употреблений таких коннотаций труда, как *счастье, веселье, радость*, увеличивается число сюжетов, посвященных проблематике трудового награждения и премирования граждан, хотя уровень обращения к теме доходов и заработной платы повышается незначительно. В целом, мобилизационная модель «труда-вознаграждения», актуализированная в 1950-е гг., характеризовалась смягчением форм мобилизационной риторики: отходом от экстремальных императивов и милитаризированной лексики, более выраженным акцентом на личные позитивные результаты, получаемые трудящимися в процессе и по завершении трудовой деятельности.

Информационные единицы (политико-экономические идеологемы), определяющие конкретные результаты и формы организации трудовой деятельности населения (*выполнение норм, повышение производительности труда*), отличались сопоставимой востребованностью в рамках обеих моделей мобилизационной риторики. Максимальная количественная выраженность данных категорий в 1946–1953 гг. фиксируется в первые годы пятилеток — в 1947 и 1951 гг. Это позволяет говорить о том, что в информационном дискурсе экономические задачи, поставленные государством перед населением, наиболее интенсивно обозначались в начале пятилетних экономических циклов.

Послевоенные годы стали временем апогея мобилизационной системы. Успехи в решении задач восстановления экономики, достигнутые при помощи напряжения сил всего общества, в том числе, за счет самоотверженного труда молодых поколений, способствовали эволюции этой модели развития.⁴⁰ Изменение пропагандистской риторики коррелировалось как с динамикой модернизационных процессов, так и с запросом послевоенного советского общества на повышение уровня и качества жизни.⁴¹ Использование мобилизационного ресурса,

³⁹ См.: Трофимов А. В. Экономические представления и модели поведения уральского населения (1945–1964 гг.) в историческом дискурсе // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. 2016. Т. 16, № 2. С. 64–68; Он же. «Командная экономика» и адаптивные экономические практики уральского населения (1945–1952 гг.) // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего. Нижневартовск, 2015. С. 87–90.

⁴¹ См.: Клинова М. А. «Что такое хорошо и что такое плохо»: эволюция нормативных поведенческих моделей младших школьников на страницах букварей середины 1940-х — 1960-х гг. // Новейшая история России. 2017. № 2 (19). С. 162–175.

³⁹ Погодин Н. Фантазии тут ни при чем... // Смена. 1946. № 21/22. С. 15.

основанного на архетипах жертвенности, героизма, подвига (трудового), находило отклик в молодежной среде. Вместе с тем модус мирной жизни настоятельно требовал установле-

ния непосредственной связи количества и качества труда с повышением уровня жизни, что в контексте начала 1950-х гг. вело к постепенному ослаблению мобилизационного режима.

Marina A. Klinova

Candidate of Historical Sciences, Ural State University of Economics (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: klinowa.m@yandex.ru

Andrey V. Trofimov

Doctor of Historical Science, Ural State University of Economics (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: 2519612@rambler.ru

MODELS OF LABOR MOBILIZATION OF THE YOUTH (ON THE BASIS OF THE MATERIALS PUBLISHED IN “SMENA” MAGAZINE IN 1946–1953)

The article deals with the study of the content, the specifics, and the forms of the propaganda rhetoric of the Soviet media discourse aimed at labor mobilization of the young people during the post-war period. Based on the study of the texts of the 1946–1953 “Smena” magazine publications about the working life of the RSFSR people the author has identified information units, the use of which pursued the goal of implicit labor mobilization — i. e. creation of a positive image of the legally “right” for the Soviet people model of labor behavior. The authors found the components of a reconstructible labor strategy: labor motivation; practical forms and manifestations of the approved labor practices; the results of work and the rewards. The results of the texts’ content-analysis demonstrated the quantitatively uneven use of the lexical forms — the components of the “right” sector of labor strategy for a Soviet person, which allowed to define two models of the implicit mobilization propaganda rhetoric widely used in the period between 1946 and 1953. The first was the “heroic labor” model expansively used in the magazine’s publications of the second half of the 1940-s, with its characteristic explicit militarized vocabulary, defining the labor practices in the categories of the extremum, and the infrequent and low key references to the topic of the reward. The second, “labor-reward” model practiced in the 1950-s went away from the extreme imperatives and the militarized vocabulary, it made greater emphasis on the personal positive results obtained by the workers in the process of and as a result of their work.

Keywords: *propaganda youth, labor mobilization, mass media, social policy, 1946–1953*

REFERENCES

- Fonotov A. G. *Rossiya: innovatsii i razvitiye* [Russia: innovation and development]. Moscow: Binom. Laboratoriya znaniy Publ., 2010, 431 p. (in Russ.).
- Goncharov G. A., Bakanov S. A., Grishina N. V., Pass A. A., Fokin A. A. *Mobilizatsionnaya model' razvitiya rossiyskogo obshchestva v XX veke* [Mobilization model of Russian society development in the 20th century]. Chelyabinsk: “Entsiklopediya” Publ., 2013, 128 p. (in Russ.).
- Klinova M. A. [“What is good and what is bad”: the evolution of the Pupils’ behavioral norms on the pages of Primers in the mid-1940s–1960s]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2017, no. 2 (19), pp. 162–175. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. [Mobilization mechanisms in the context of modernization (theoretical aspects)]. *Mobilizatsionnaya model' ekonomiki: istoricheskiy opyt Rossii XX veka* [Mobilization model of economy: historical experience of Russia of the 20th century]. Chelyabinsk: “Entsiklopediya” Publ., 2009, pp. 95–100. (in Russ.).
- Sedov V. V. *Mobilizatsionnaya ekonomika: sovetskaya model'* [Mobilization economy: the Soviet model]. Chelyabinsk: ChGU Publ., 2003, 177 p. (in Russ.).
- Trofimov A. V. [“Command economy” and adaptive economic practices of the Urals population (1945–1952)]. *Yugra, Sibir', Rossiya: politicheskiye, ekonomicheskkiye, sotsiokul'turnyye aspekty proshlogo i nastoyashchego* [Ugra, Siberia, Russia: political, economic, sociocultural aspects of the past and present]. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2015, pp. 87–90. (in Russ.).
- Trofimov A. V. [Economic representations and behavior models of the Ural population (1945–1964) in the historical discourse]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “sotsial'no-gumanitarnyye nauki”* [Bulletin of the South Ural State University. Series “Social sciences and the humanities”], 2016, vol. 16, no. 2, pp. 64–68. (in Russ.).